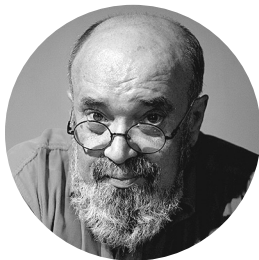

КАК ШУКШИН ВЗЯЛ ШТУРМОМ ВГИК

ЕВГЕНИЙ ПОПОВ

Писатель, редактор, эссеист, автор множества книг. Родился в Красноярске в 1946 году. Живет в Москве.

МИХАИЛ ГУНДАРИН

Родился в 1968 году в Дзержинске Горьковской области, на Алтае живет с 1975 года. Окончил факультет журналистики МГУ имени Ломоносова. Нандидат философских наук, член Союза российских писателей. Автор нескольких книг стихов и прозы. В «Алтае» печатается с 1989 года.

Мы публикуем фрагмент из новой биографии Василия Шукшина, написанной Евгением Поповым и Михаилом Гундариним (их предыдущая совместная работа — биография Фазиля Искандера). Кстати, Евгений Попов лично знал Василия Макаровича, написавшего предисловие к его первой журнальной публикации. Биография Шукшина написана в формате диалога авторов, она далека от академизма, в ней нашлось место не только фактам, но и многочисленным легендам о Шукшине (он и сам был склонен к мистификациям). Так как же удалось простому деревенскому пареньку поступить в суперэлитный вуз СССР?

ШУКШИНА ВО ВГИК НАПРАВИЛ ЕВГЕНИЙ ЕВТУШЕНКО?

Е. П.: Когда я думаю, что предпринял Василий Макарович летом 1954 года, решительно рванув в столицу, где у него не было ни кола ни двора, ни друзей, ни знакомых, меня больше всего удивляет даже не то, что он решился на такую резкую жизненную перемену, не обращая внимания на мнения, желания и надежды начальства, родни (крепко подводя их, по сути дела), а то, почему именно ВГИК возник на его трудном пути вверх? Ведь ВГИК — это действительно ВЫСШЕЕ в сравнении с другими гуманитарными вузами учебное заведение, куда стремились тысячи юношей и девушек страны и где конкурс доходил до сотни человек на одно место.

М. Г.: Возможно, у него был компромиссный план: поступить на заочное, что даже и легче осуществить. Потом два раза в год приезжать в Москву, остальное время спокойно работать и жить у себя в Сростках. Может быть, он и сам верил в возможность такого. И убеждал мать, будущую жену, руководство. В конце концов, так поступали миллионы его современников со всей страны.

Е. П.: Но во ВГИКе тогда не было заочного даже для сценаристов, как мне недавно рассказал кинорежиссер Вадим Абдрашитов, учив-

шийся у Ромма уже после Шуншина. К тому же Василий Макарович в самых главных для себя вопросах на компромиссы и полумеры не шел. Играть по правилам социума — одно, а отступать от своего Предназначения — совсем другое.

М. Г.: Боюсь, что он не был уверен тогда в своем предназначении. Ведь есть легенда, что все вообще произошло случайно. У Владимира Коробова читаем беллетризованную версию такой легенды: «Он уверенно, как ему казалось, и поспешно вошел в тенистый двор на Тверском бульваре, уверенно и быстро разыскал приемную комиссию и... столь же быстро вышел оттуда, совершенно растерянный и потерянный, чувствуя внезапное полное изнеможение. Присел, не помня себя, на одну из лавочек в сквере. Такого подлого удара от судьбы он не ждал. Ну ладно бы — не выдержал экзамены, не прошел по конкурсу: горько, жалко, но... понятно. А тут...»

«Тенистый двор на Тверском бульваре» — это, понятно Литинститут, где вы сейчас преподаете. Речь идет о том, что Шуншин якобы не знал о творческом конкурсе, который надо проходить обязательно и на который он безнадежно опоздал. Могло ли быть такое? Сомнительно. Дальше у Коробова еще интереснее.

«Тут... к нему подошел молодой Евгений Евтушенко, чья поэтическая звезда уже начинала всходить и чья эстрадная популярность была уже не за горами... Молодой Евтушенко разговорился с “простым парнем”, внимательно оглядел нелепый — полусолдатский-полуматросский, составленный частью из собственной форменной одежды и военной, неплохо сохранившейся в нафталине (или дусте?) на дне сундука одежды деда — наряд Шуншина и полусерьезно-полушутя изрек: “Иди-ка ты, паря, во ВГИК, на режиссерский. Там сейчас борются с формалистами и космополитами, там такие, как ты, “рабочекрестьяне”, нужны...” Так будущий автор «Налины красной» оказался во ВГИКе.

Е. П.: Ай, молодца, Евгений Александрович! Здорово Коробову загнул «паря»! Не откажу себе в удовольствии привести еще одну сочную, пусть и широко известную цитату из мемуаров на этот раз Василия Белова, практически «антипода» Евтушенко — мол, если бы не казус с Литинститутом, «неизвестно, по какому пути пошел бы дальше Василий Макарович Шуншин, то ли скользкой тропой всяких эйзенштейнов, то ли каменистым шляхом Шолохова. Так решаются судьбы русской культуры: то гавнающими церберами, то ехидным щебетом столичных пташек». Василий Белов — хороший писатель, он окончил Литинститут и стал звездой. Василий Шуншин окончил ВГИК и стал нумиром миллионов. Чувствуете разницу между «нумиром» и «звездой»?

М. Г.: «Церберы и пташки» — это, конечно, красиво, но кто ж поверит в такую наивность Шуншина, якобы поехавшего неизвестно куда? Жизнь уже крепко научила его так не рисковать. Да и не в шуншинском это было характере. Даже если учесть, что нечто подобное говорил и сам Василий Макарович. Он ведь про себя и не такое еще рассказывал! Например, по свидетельству того же Владимира Коробова, Шуншин якобы «уговорил приемную комиссию другого института, Историко-архивного (не случайно он особенно любил и волею судеб преподавал в вечерней школе именно литературу и историю), допустить его к сдаче экзаменов, сочинив историю про “темную” мать-старушну, которая ему, недавно демобилизованному, до сих пор не выслала необходимые документы...». Скорее всего, очередная легенда. Но вот факт.

Уже поступив во ВГИН, Шуншин писал своей первой жене Марии Шумской (отношения с ней они в то время еще официально не оформили): «Ты знаешь, мои документы были в институте кинематографии». То есть ВГИН существовал в его расчетах изначально! Шуншин, если верить этому письму, пытался — неудачно! — их забрать и передать в ней «исторический». Зачем? Чтобы учиться в нем, как обещал всем, заочно? А почему не забрал? Объяснение удивительное!

«Прихожу в приемную комиссию, а там столпотворение — человек 700 (я не преувеличиваю) стоят друг за другом — сдают документы. Н вечеру я дождался своей очереди и спросил: здесь мои документы? Мне коротко бросили: “Здесь. Вы допущены к экзаменам. Следующий!” Ну что мне было делать?» Да конечно, нечего! Только поступать, преодолевая безумный конкурс! Дальше он пишет: «Я посмотрел на окружающих меня людей, и вдруг меня взяло зло: кругом ни одного человеческого простого лица — одни маски — маски приличные, вежливые, культурные, московские, утонченные и т. д. и т. п. И я решил побороться с ними».

Можно из этого сделать жизненное кредо Василия Макаровича, но как по мне, это приведено в качестве оправдания (а он тут именно оправдывается), причем оправдания неубедительного. С самого начала он во ВГИН собирался, вот что!

Документы именно там оказались совсем не случайно. Во-первых, случайно они оказаться там и не могли просто никак. А во-вторых — и это конец всем легендам и недомолвкам — сохранилось письмо в приемную комиссию, посланное еще из Сросток. Написано все определенное некуда:

«Директору Всесоюзного
Государственного института кинематографии
От гр. Шуншина Василия Макаровича

Заявление

Прошу разрешения сдавать вступительные экзамены в институт кинематографии на Режиссерский факультет.

Н заявлению прилагаю все необходимые документы.

Решение мандатной комиссии прошу направить по адресу:

Алтайский край, Сростинский р-н, с. Сростки

Шуншину Василию Макаровичу.

20 июня 1954 г.

В. Шуншин

Буду очень благодарен за возможно скорый ответ».

Итак, именно во ВГИН и именно на режиссуру уезжал поступать Шуншин тем летом из Сросток! Ибо факты, по выражению Ленина, вещь упрямая!

Е. П.: Простите, что при обсуждении такого важного вопроса сошлюсь на свою персону. Я приехал из Красноярска в Москву в 1963 году (на 9 лет позже Шуншина) поступать в Литинститут или еще «куда-нибудь на филфан», штудировал историю, литературу. И тоже только в упомянутом доме на Тверском бульваре узнал про творческий конкурс. Тогда я подался в Историко-архивный, который теперь РГГУ, но там обнаружили, что я не состою в ВЛКСМ — Всесоюзном ленинском коммунистическом союзе молодежи, если вы еще помните эту аббревиатуру, — и сказали мне, что я с такими данными вряд ли сдам экзамены, уж больно «конкурс у нас

большой» (для таких, как я, замечу). Я тогда взял да поступил во МГРИ, Московский геологоразведочный институт имени С. Орджоникидзе на специальность РМРЭ — разведка редких и радиоактивных элементов, где конкурс поменьше был, а стипендия побольше. И ни секунды об этом не жалел. Никогда! Там идеологией и не пахло. Летние полевые экспедиции. Материала много, рассказы начал писать — про Сибирь, про ее лихих насельников, бичей и другие «асоциальные элементы». Рассказы, естественно, не печатали. Но не это главное. Главное — сочинять. А сочинять будешь, только если Бог даст. Может, и настоящее кино можно снимать только при тех же условиях, если от Бога... Моя матушка в Красноярске несколько лет была уверена, что МГРИ — это Московский государственный режиссерский институт...

М. Г.: И так, ВГИК был выбран Шукшиным изначально. Но все же, почему именно кино? Особой страстью к этому виду искусства юный Шукшин, кажется, не пылал. К литературе уж, во всяком случае, пристрастился куда больше. Отвечая на этот вопрос, не обойтись еще без одной легенды — о встрече, совершенно случайной, московской, уличной, ночной — с самим Иваном Александровичем Пырьевым, знаменитым кинорежиссером, мощным кинодеятелем, кавалером трех орденов Ленина, автором «Транктористов» и «Нубанских казанов». Вернее, наоборот, — встрече суперзвезды советского киноискусства с приехавшим покорять Москву сибирским провинциалом, земляком (Пырьев тоже родился на Алтае). Легенду эту Шукшин, судя по количеству упоминаний о ней в мемуарах, рассказывал всем и каждому. Вероятно, каждый раз по-разному. Плюс сами «пересказчики» вносили свое.

Вот один из вариантов (якобы со слов Шукшина): «Сидел я как-то на лавочке, вдруг ко мне подсел Пырьев. Слово за слово, Пырьев рассказал мне, кто он, жаловался на баб, мол, одни проблемы от них. Я с ним согласился. Потом спросил: “Хочу в искусство идти, куда бы мне поступить?” Пырьев предложил поступать во ВГИК, на режиссерский. Подготовившись, я пошел сдавать экзамены. Перед поступлением хорошо принял на душу для храбрости и — вперед!» Этот вариант не соответствует действительности почти на сто процентов. Особенно насчет «принял на душу». И (самое главное) насчет хронологии. Мол, посоветовал — я сразу и пошел.

Ну и самый, наверное, экстремальный вариант прозвучал из уст Лидии Чащиной-Александровой, второй или третьей жены Василия Манаровича, ненавидевшей Шукшина много десятков лет как человека, якобы сломавшего ей жизнь. В ее версии Пырьев, обладавший взрывным характером, и Шукшин — два сапога пара. «Этот всесильный человек, в прошлом директор “Мосфильма”, основатель Союза кинематографистов СССР, жаловался случайному собутыльнику: “Ты думаешь, мне легко нести этот крест? Я иногда готов послать все к чертовой матери”. С высоты своего положения он учил Шукшина жить: мол, честным путем в столице не пробьешься — надо приспособливаться, изворачиваться, врать. Во время этих затянувшихся до утра посиделок к ним несколько раз заходила Марина Ладынина: Пырьев тогда еще с ней жил. “Ваня, — увещевала она мужа, — тебе пора спать”, а тот в ответ посылал ее матом. По словам Васьки, он был потрясен, когда увидел их отношения, то, как прославленный режиссер обращается с актрисой — нумиром его молодости. Помню, я эти охи-вздохи слушала, а про себя думала: “А чем ты лучше?”»

Что же из этого правда? Судя по всему, встреча могла быть — но еще до армии, то есть ориентировочно в 1949 году, когда замотанный нудной, тяжелой работой юный деревенский парень вырывался из своего барака побродить по столице. Собственно, об этой встрече ведь рассказывал и сам Шуншин под запись интервьюера. «После войны я совсем мальчишкой ушел из села... Исколесил всю страну и очутился в Москве. Помню, нужно было мне где-то переночевать, а денег не было. Пристроился я на скамейке на набережной. Вдруг оноло меня остановился какой-то человек, покурить, видно, вышел. Познакомились. Оказалось — земляки. Он тоже из Сибири, с Оби. Узнав, что я с утра не ел, повел меня к себе. Допоздна мы с ним чай гоняли и говорили, говорили...

Это был режиссер Иван Александрович Пырьев. Он мне рассказал о кино, о жизни. Что-то у него тогда не ладилось, вот и «выложился» перед незнакомым парнишкой. Когда мы встретились лет через десять, он меня и не узнал, а я этот разговор навсегда запомнил. Потом служил во флоте, учительствовал на Алтае».

Е. П.: Что-то мне подсказывает, что и тут не обошлось без преувеличений. «Негде переночевать», «с утра не ел», «скамейка на набережной» — знать, ровно напротив знаменитой высотки на Нотельнической, где жили Пырьев и Ладынина... Прав Алексей Варламов, уж очень это похоже на этюд, словно перед нами (цитирую его биографию Шуншина) «хорошо расписанная сценка о случайной встрече маститого кинорежиссера и доверчивого простодушного провинциала». Больше Шуншин с Пырьевым никогда не увидятся, а если бы такая встреча имела бы место, Василий Манарович нашел бы случай об этом напомнить. И вообще, уж больно на эпизод из любимого Шуншиным в юности «Мартина Идена» похоже.

Но — снова соглашусь с Варламовым — в этих ли обстоятельствах, или куда более скромных, нечто подобное с молодым Шуншиным скорее всего случилось. Может быть, бродя по Москве, он просто увидел Пырьева, выходящего из шикарной машины под ручку с Ладыниной (их портреты как знаменитейших кинодеятелей тиражировались широко и были известны каждому). И решил: буду таним! Пробьюсь! Для этого — пойду работать в кино! Ну и был прав, киношники всегда поширнее литераторов жили. Хоть тогда, хоть (тем более) сейчас. Другой из известных жильцов дома на Нотельнической, острый на язык композитор Никита Богословский, придумал таную шутивную загадку: «В нашем доме в одной квартире девять лауреатов спят в одной постели. Кто это?» Ответ — Пырьев и Ладынина: у известного режиссера и актрисы действительно на двоих было ровно девять (!) госпремий.

М. Г.: Ну и еще смешная легенда из числа связанных с выбором Шуншиным места учебы. Режиссер Александр Митта рассказывает, будто Шуншин намеревался поступать на сценарный факультет. Придя туда, предъявил свои рассказы, «которые были записаны в толстой амбарной книге», но девушки из приемной комиссии читать их поленились, решили, что парень графоман, и отправили его на актерский. «Тут от студентов Шуншин узнал, что есть еще и режиссерский факультет. А он понятия не имел, что есть такая профессия — режиссер. Думал, что для постановки фильма собираются артисты и договариваются между собой, как снимать. Оказалось, что режиссер — хозяин картины, главный человек. Тогда он подал на режиссерский». Красиво, но совершенно недостоверно. Нак помним, режиссуру Шуншин выбрал еще в заявлении, посланном из Сросток.

«ПРИЕХАЛ В МОСКВУ СЕРМЯН СЕРМЯНОМ»

Е. П.: Ладно, выбрать-то он ВГИН выбрал, но еще поступить туда надо было. При конкурсе, как мы уже говорили, этап в сто человек на место. Мастерскую набирал знаменитый Михаил Ромм, на раз в то время переживавший творческую эволюцию: от эталона соцреализма с «Лениным в Октябре» он превращался в гуру кинолибералов со своими поздними фильмами «Девять дней одного года», «Обыкновенный фашизм». В его мастерскую, а значит и во ВГИН, могло попасть меньше тридцати человек. Вдумайтесь, меньше тридцати на всю огромную страну, бредящую кино за неимением других доступных удовольствий! Так что будем откровенны: Шукшину отчаянно, невероятно повезло оказаться в этом ряду. Но что было кроме везения? Может быть, его точный расчет на специфические советские реалии? Вспомним, что в легенде о встрече с Евтушенко фигурировали некие «носмополиты и формалисты», с которыми во ВГИНе якобы боролись, и простой сибирский парень Шукшин тут был бы очень к месту. Ну а как: ВГИН, самый рассадник вольномыслия, потомственные эстеты осаждают приемную, московские мальчики и девочки, в том числе не самой любимой бюрократии (но крайне распространенной среди киношников) национальности... И тут такой, стопроцентно свой, флотский деревенский паренек! Таких брать надо без экзаменов! Такие ребята не подведут!

Помимо этих неформальных резонансов, были вполне формальные, тоже работающие на руку Шукшину. Вот слова Василия Макаровича в передаче его друга оператора Анатолия Заболоцкого (он пришел учиться во ВГИН чуть позже): «Поступал на режиссерский после пяти лет службы на флоте, имел привилегию — вне конкурса, а знания, ясно, “норабельные”». «Норабельные» — то есть минимальные, знания. Это точно. А вот «вне конкурса» для бывших военнослужащих и насчет «пяти лет службы на флоте» — это или Василий Макарович чисто по-флотски загнул, или оператор Заболоцкий чуть-чуть по-своему его слова «интерпретировал». Хотя существовал вполне эффективный для попадания в любой вуз и хорошо всем, жившим при советской власти, известный набор плюсов: КПСС, армия, пролетарское (крестьянское даже лучше) происхождение. Между прочим, нынешний ректор ВГИКа Владимир Малышев поступал на экономический факультет вуза, рассчитывая, скорее всего, примерно на то же. Он — парень из рабочего поселка — только что отслужил срочную. Конечно, это было через 20 лет после Шукшина, но в СССР порядки менялись редко. Абитуриент Шукшин, «из крестьян», отслуживший моряком, был кандидатом в члены КПСС. Малышев, кстати, в партию вступил тоже заблаговременно, еще в армии.

Как ни крути, Шукшин подготовился к поступлению творчески. Прежде всего принарядился. Читаем мемуары однокурсников: «Когда я увидел его впервые, он показался мне на диво странным. Какой нормальный человек придет поступать во ВГИН в гимнастерке и солдатских сапогах? Сразу пошел слух: Шукшин — сын секретаря Алтайского обкома партии и поэтому поступит по блату. Потом, конечно, выяснилось, что это не так». Звучал и другой вариант: сын репрессированного секретаря райкома. «Сын мужика Макара» — такого варианта не было. За Андрея Тарновского, поступавшего одновременно с Шукшиным, отец-поэт просил замолвить слово перед Михаилом Роммом самого Виктора Шкловского и киноведа Ростислава Юренева. Об этом говорилось открыто. И стесняться тут нечего — вот только, повторю, за Шукшина-то просить было некому. Оставалось надеяться на сапоги.

М. Г.: Сапоги сапогами, а экзамены надо было сдавать по-серьезному. Русский и литературу, историю народов СССР... Плюс выполнить задание — написать текст на тему «Вестибюль ВГИНа. Лето. Настоящие дни». Потом пройти творческий конкурс в два тура. Результаты абитуриента Шуншина были таковы. Историю он сдал на отлично. За русский и литературу письменно (сочинение) и устно получил четверки (имея тройку в аттестате, напомним). Письменная работа (о ней мы еще скажем, она заслуживает отдельного разговора) — опять отлично.

Между прочим, Андрей Тарновский по сочинению получил тройку! Правда, за все остальное — пятерки.

Теперь предстояло пройти два тура творческого конкурса. То есть преодолеть самое страшное и самое главное для всех абитуриентов. Преодолеет. Наним чудом? Вот уж тут легенда на легенде!

Вот одна из них в передаче Анатолия Заболоцкого: «В приемной комиссии, на мое счастье, был Николай Охлопков. Он сам сибиряк, в ту пору в славе. Он — земля — меня вытянул на розыгрыш, спросив: “А где теперь критик Белинский?” Я ему подыграл: “Нажись, помер?” И про “Войну и мир” честно сознался: “Не прочел — толста больно”. Он оценил мое признание. А думаешь, московские мои конкурсы знатоками Толстого были? Охлопков, царство ему небесное, отстоял мое поступление в режиссеры». Тут молодец Охлопков (хоть из Иркутска, который от Алтая примерно на таком же расстоянии, что и Москва, только в другую сторону, но земляк!)

Вот еще одна история, от помощницы Ромма Ирины Жигалко: «Ромм просит абитуриента рассказать, как он видит сцену скачек в “Анне Нарениной”. Шуншин молчит. Ромм предлагает другую сцену, не столь сложную. Шуншин молчит. Потом, мрачно: “Я не читал “Анну Наренину”... Разрешите идти?” Не дожидаясь ответа, повернулся к двери. “Отставить!” —скомандовал Ромм. Шуншин остановился. “Если вас примут, обещаете прочитать “Анну Наренину”?” — “Обещаю. За сутки!” — “Толстого так не читают. Даю вам две недели”». Тут молодцом выглядит Ромм, что неудивительно слышать от преданной помощницы.

Вот еще более знаменитый вариант истории — вариация предыдущего.

«На экзамене М.И. Ромм попросил Шуншина:

— Расскажите мне о Пьере Безухове.

— Я “Войну и мир” не читал, — простодушно сказал Шуншин. — Толстая книжка, времени не было.

— Вы что же, толстых книг никогда не читали? — удивился Ромм.

— Одну прочел, — сказал Шуншин. — “Мартин Иден”. Хорошая книжка.

Ромм возмутился:

— Как же вы работали директором школы? Вы же некультурный человек! А еще режиссером хотите стать!

И тут Шуншин взорвался:

— А что такое директор школы? Дрова достань, напил, накопи, сложи, чтобы детишки не замерзли зимой. Учебники достань, неросин добудь, учителей найди. А машина одна в деревне — на четырех копытах и с хвостом... А то и на собственном горбу... Нуда уж тут книжки толстые читать...

Вгиновские тетки были счастливы — нагрубил Ромму, сейчас его выгонят. А мудрый Ромм заявил: “Только очень талантливый человек может иметь такие нетрадиционные взгляды. Я ставлю ему пятерку”».

В общем, непрочитанный Лев Толстой так или иначе присутствовал во многих версиях.

А вот что вспоминал сам Шуншин, выступая значительно позже, на публике. Тут уж обошлось без Толстого. «Конечно, не забуду, как на собеседовании во ВГИКе меня Охлопков — сам! — принудил... Я приехал в Москву в солдатском, сермяк сермяком... Вышел к столу, сел. Ромм о чем-то пошептался с Охлопковым, и тот, после, говорит: “Ну, земляк, расскажи-на, пожалуйста, как ведут себя сибиряки в сильный сибирский мороз?” Я, это, напрягся, представил себе холод и ежиться начал, уши тереть, ногами постукивать... А Охлопков говорит: “Еще”. Больше я, сколько ни думал, ничего не придумал. Тогда он мне наметнул про нос, когда морозно, ноздри слипаются, ну и трещь было... Потом помолчал и серьезно так спрашивает: “Слышь, земляк, а где сейчас Виссарион Григорьевич Белинский работает? В Москве или Ленинграде?” Я оторопел. “Критик который?..” — “Ну да, критик-то...” — “Да он вроде помер уже!..” А Охлопков подождал и совсем серьезно: “Что ты говоришь!” Смех, естественно, вонруг, а мне-то каново?»

Охлопков или все же Ромм сыграли главную роль в его институтской первой удаче? Василий Манарович говорил то так, то этак... Но все же, думаю, Ромм. Еще одна цитата из шуншинской статьи 1969 года, как раз о авторе киноленинианы Ромме, классике, имевшем, правда, не шесть Сталинских премий, как Пырьев, а «всего лишь» пять: «Абитуриенты в коридоре нарисовали страшную картину: человека, который на тебя сейчас глянет и испепелит. А посмотрели на меня глаза удивительно добрые. Стал расспрашивать больше о жизни, о литературе. К счастью, литературу я всегда любил, читал много, но сумбурно, беспорядочно... Ужас экзамена вылился для меня в очень человеческий и искренний разговор. Вся судьба моя тут, в этом разговоре, наверное, и решилась».

Е. П.: Шуншинский «официальный», «авторизованный» вариант поступления вроде и тот, да на деле не тот, что звучит в легендах, в том числе и рассказываемых им самим годы спустя. Например, пассаж про Белинского и Охлопкова. Обратите внимание: Заболоцкому Шуншин говорит, что так пошутил. По современному говоря, «прикололся», ну или подыграл Охлопкову. А говоря «от себя» аудитории, признается, что допустил оплошность и расстроился от этого. «А мне-то каново». Понятно уж, каново — сильно хреново. Несомненный факт тут один: Шуншин поступил в элитный вуз, обойдя сотни желающих. И еще: Михаил Ромм ему действительно помог, из каких соображений — мы не знаем.

Сам Василий Манарович говорил спустя годы: мол, приемную комиссию «видимо, изумило, кого набирает Михаил Ильич. Все-таки я заметно выбивался среди окружающих дремучестью своею и неотесанностью». Что-то, извините Христа ради, не слишком верится в искренность мэтра, якобы заявившего про талантливого человека и «нетрадиционные взгляды». Может быть, он взял Шуншина, чтобы обезопасить свою мастерскую от придирок начальства? Мол, вон какой у меня добрый молодец, выходец из народа, крестьянин, матрос, да еще и партийный учился! Никакой крамолы мы не допускаем! Отношение-то у Василия Манаровича к Михаилу Ильичу впоследствии было, как говорится, сложное... Особенно после защиты диплома. Но об этом мы еще скажем.

НИТЫ И НИТОБОЙ

М. Г.: В общем, легенд от истины в вопросе о том, почему именно ВГИК был выбран Шуншиным и как он в него поступал, по-особенному или, так сказать, как обычный человек, отделить уже невозможно. Да и не стоит,

наверное. Василий Макарович, как мы видели и еще увидим, сам сочинял свою судьбу. Но вот о чем мы можем судить совершенно определенно: о первых шуншинских текстах. Если не считать газетных заметок, а лучше все-таки их не считать, первыми законченными сочинениями Шуншина являются три творческие работы, написанные им в момент поступления во ВГИН. Тут есть точная датировка — август 1954 года. Тут есть сами тексты (сохранились в архивах ВГИНа, опубликованы). Даже авторская оценка есть, чего в отношении многих других работ Шуншина мы не наблюдаем. До первого НАСТОЯЩЕГО рассказа оставалось еще четыре года...

Е. П.: И что характерно, одна из этих работ, собственное маленькое, как бы нынче выразились, эссе под названием «Нити, или О том, как мы приобщались к искусству» Шуншину при всей его требовательности к самому себе даже нравилось. Во всяком случае, вспоминал он его пятнадцать лет спустя с удовольствием: «Был 1954 год. Шли вступительные экзамены во ВГИН. Подготовка моя оставляла желать лучшего, специальной эрудицией я не блистал и всем своим видом вызывал недоумение приемной комиссии. Насколько теперь понимаю, спасла меня письменная работа, которую задали еще до встречи с мастером. «Опишите, пожалуйста, что делается в коридорах ВГИНа в эти дни» — так приблизительно она называлась. Больно горяча была тема. Отыгрался я в этой работе. О чем спорим, о чем шумим, на что гневаемся, на что надеемся — все изложил подробно». Так и есть. А все потому, что речь в этом тексте шла о социальной справедливости. Причем шла в очень острой форме, в такой, какая в более зрелых вещах будет скрыта, затушевана. А здесь прямо: есть Мы, и есть Они. Они — «ниты», элита. Мы — большинство, народ. Цитирую это сочинение. Оно и правда о многом, многом говорит, многое пророчит!

«Среди нас неминуемо выявляются так называемые ниты — люди, у которых прямо на лбу написано, что он — будущий режиссер или актер. У них, этих людей, обязательно есть что-то такое, что сразу выделяет их из среды других, обыкновенных. Вот один такой: среднего роста, худощавый, с подлинными обсосанными конфетками вместо глаз. Отличается тем, что может, не задумываясь, говорить о чем угодно, и все это красивым, легким языком. Этот человек умный и хитрый. У себя дома, должно быть, пользовался громкой известностью хорошего и талантливого молодого человека; имел громадный успех у барышень. Он понимает, что одной только болтовней, пусть красивой, нас не расположить к себе — мы тоже не дураки, поэтому он вытаскивает из чемодана кусок сала, хлеб и с удивительной искренностью всех приглашает к столу. Мы ели сало и, может быть, понимали, что сала ему жалко, потому понимали, что слишком уж он хлопотал, разрезая его и предлагая нам. Но нас почему-то это не смущало, мы думали, что это так и следует делать в обществе людей искусства.

Разговор течет непринужденно, мы острим, рассказываем о себе, а выждав момент тишины, говорим что-нибудь особенное, необыкновенно умное, чтобы сразу уж заявить о себе. Мы называем друг друга Ноленькой, Васенькой, Юрой, хотя это несколько не идет к нам.

В общем гаме уже выявляются голоса, которые обещают в будущем приобрести только уверенный тон маэстро. Здесь, собственно, и намечаются ниты.

Человечек с бесцветными глазами и прозрачным умом рассказывает, между прочим, о том, что Тамара Макарова замужем за Герасимовым,

что у Ромма какие-то грустные глаза, и добавляет, что это хорошо, что однажды он встретил где-то Гурзо и даже, кажется, прикурил от его папиросы. И все это с видом беспечным, с видом, который говорит, что это — еще пустыни, а впереди будет еще хлеще.

Незаметно этот вертлявый хитрец одолевает нашим вниманием и с видимым удовольствием сыплет словечками, как горох. Никто из нас не считает его таной уж умницей, но все его слушают — из уважения к салу.

Почувствовав в нем ложную силу и авторитет, к нему быстро и откровенно подмазывается другой нит — человек от природы грубый, но нахватавшийся где-то «культурных верхушек». Этот, наверное, не терпит мелочности в людях, и, чтобы водиться с ним, нужно всякий раз рассчитывать за выпитое вместе пиво не моргнув глазом, ничем не выдавая своей досады. Он не обладает столь изящным умом и видит в этом большой недостаток. Он много старше нас, одевается со вкусом и очень тщательно. Он умеет вкусно курить, не выносит грязного воротничка, и походка у него какая-то особенная — культурная, с энергичным выбросом голени вперед.

Он создает вокруг себя обаятельную атмосферу из запаха дорогого табака и духов.

Он, не задумываясь, прямо сейчас стал бы режиссером, потому что «знает», как надо держать себя режиссеру.

Вечером ниты поют под анкомпанемент гитары «сильные вещи». Запевает глистообразный тип, запекает мягким, приятным голосом: «Ваши пальцы пахнут ла-аданом...»

Второй подхватывает мелодию, поет он скверно и портит все, но поет старательно и уверенно. Мы слушали, и нас волновала песня.

Только всем нам, пожалуй, странно немножко: дома мы пели «Налинушку», читали книжки, любили степь и даже не подозревали, что жизнь может быть такой сложной и, по-видимому, интересной».

Элементы культурного кода будущего Шукшина, вплоть до самых зрелых его рассказов, здесь налицо. Например, внешние атрибуты «нитов», выделяющие их из общей массы, обозначенной как «мы». Не зря Василий Макарович в своих рассказах будет так цепляться к костюмам, галстукам, шляпам и так далее, обладатели которых с помощью одежды пытаются доказать, что они «другие», не из народа. Или, как сказали бы нынешние «ниты», — не из «быдла».

Да, уже здесь, в этой, можно сказать, совсем «ранней» работе затевается серьезный разговор, что такое настоящее искусство, а что, извините, фуфло. «Ниты» как раз и есть олицетворение всего ложного, показного, фальшивого в искусстве. С каким сардоническим удовольствием Шукшин их поназывает!

«Приближался день экзаменов, и ниты наши как-то присмирели и начали уже поговаривать о том, что их могут не понять. В день экзаменов они чувствовали себя совсем плохо.

Наверное, правду о себе они чувствовали не хуже нас. Когда наконец один из них зашел в страшную дверь и через некоторое время вышел, у нас не было сомнения в том, что этот провалился. Мы с каким-то неловким чувством обступили его в вестибюле и начали закидывать ненужными вопросами».

Приемная комиссия разобралась, кто настоящий, кто нет! В жизни все будет совсем иначе, и так просто от врагов-«нитов» Василию Макаровичу не избавиться. Уж, скорее, они от него избавлялись... Правильной

комиссии в будущем не находилось. Замечу, что убедительность этому этюду придают точные детали. Например, сало, которое с удовольствием поедает и кривляни, и «мы». Автор «Нитов, или О том...» никого не обличает, а ПОНАЗЫВАЕТ, пытается показать, кто есть кто в нашем мире с его точки зрения.

М. Г.: Здесь, помимо прочего, много стилистических и композиционных приемов из «зрелого» Шуншина. И повтор-усиление, и элементы диалогов, прямых и косвенных. Детали действительно точные и экспрессивные. Ну и его ирония, конечно, такая злая, с подковырками. Я уверен, что именно это эссе, а не сапоги и не мнимое дуракаваляние стало решающим аргументом в решении Ромма ввести в «свой круг» автора такого текста!

Е. П.: Да и два задания других были выполнены вполне на уровне. Например, рецензия на фильм «Верные друзья» Михаила Налатозова, который с восторгом приняла и «оттепельная публика», и «народ», показала главную претензию, которую взрослый Шукшин будет предъявлять любому произведению искусства: расхождение с жизнью. «Малоубедителен образ молодого врача в Осонино. Она много говорит, лицо наивное и подобоострастное. А ведь она — единственный врач-хирург в местечке. Это не могло не сказаться на ее манере держаться». Вроде как наивно звучит. И сейчас, да и тогда, ему бы ответили: ну, мало ли какие хирурги бывают, откуда ты знаешь, не обобщай. А это не пустое обобщение, но требование целого и нового творческого метода, который начал формироваться прямо в эти дни, не прошло и года после смерти Сталина. Тем и интересны эти студенческие «эссе»: мы в мастерской будущего большого художника, он как будто прямо при нас, торопясь, чтобы успеть, приступает к своей грядущей работе. Это касается и приемов текста: например, Шукшин говорит как будто «за» героя: «Нехода знает, что за это ругают — за непонимание смысла критики, — а когда будут ругать, прежде всего скажут: вот, тов. Нехода полагает, допуская критику, он подрывает свой авторитет». Очень нешаблонно для абитуриента! Рецензент, кстати, похвалил, что автор увлекается мелочами. Детальками, добавили бы мы. И это для начинающего тоже большая редкость, начинающие в основном все вывести на вселенский уровень хотят. Или банальщину лепят.

Кстати, абитуриент Андрей Тарновский рецензировал советско-албанскую картину Сергея Ютневича на историческую тему «Великий воин Албании Скандербег», где играли в основном албанские и наши звезды. Ниноэлиа. Про картину писали: «Рожденный дружбой фильм», Хрущев тогда с Албанией еще не поссорился. Великолепный киновед Майя Туровская потом увидит в этой рецензии Тарновского «зрелость, может быть, неосознанную, выработанность взгляда на кино». Не знаю, не знаю! При всем уважении к Майе Иосифовне и Андрею Арсеньевичу...

М. Г.: А третье сочинение, казалось бы, вышло попроще и похуже первых двух. Но тоже любопытно по-своему. Это именно сочинение по литературе на тему «В.В. Маяковский о роли поэта и поэзии». Ничего такого, нового, интересного нам абитуриент Шукшин не открыл, конечно. Даже само сопоставление имен кажется странным и нелепым: где Маяковский, где Шукшин. Но! Василий Макарович как обычно блестяще продемонстрировал игру по правилам. Он много и точно цитирует малоинтересного ему поэта. А кроме него, целыми предложениями, Ленина и Сталина. Текст преисполнен вполне достойного пафоса — не крикливого, но уважительного. Вполне на высоте и формальные приемы. Например, антитеза: «Одни утверждали, что поэт должен парить над жизнью, увлекая за собой

читателя, которому тоже надоели грязь и снуга земной жизни. Другие, напротив, утверждали, что поэзия только тогда и будет играть сколько-нибудь заметную положительную роль, когда она изберет своим творческим объектом обыденную жизнь...» Шуншин хвалит Маяковского за готовность «отзываться на злобу дня», «копаться в будничных мелочах», внимание к «людям труда», за интерес ко всем сторонам «новой общественной жизни». Исследователи творчества Шуншина особо выделяют фразу из этого сочинения: «Значительную часть своих стихотворений Маяковский помещал в газетах, считая это очень удобным, ничуть не зазорным для маститого поэта». Впоследствии так будет поступать и сам Василий Манарович.

Е. П.: В общем, легенды легендами, сапоги сапогами, а высокий класс абитуриент Шуншин все-таки показал. То ли еще будет впереди!

М. Г.: Ну да. Поступивший Шуншин первым делом пишет письмо своей, оставленной в далекой Сибири гражданской жене (и тут уж никаких стилистических приемов, иронии и прочего, что он так блестяще продемонстрировал во вступительных сочинениях): «Родная моя, меня гнетет чувство несправедливости. Ведь можно подумать, что я просто обманул тебя. Милая, поверь моей совести, что когда ты в Бийске спросила меня еще раз, не совсем ли я еду, и я ответил, что ни в коем случае нет — я не обманывал тебя. Я говорил, что думал... Маша, я думаю, что я учусь, работаю во имя нашего будущего счастья. Я не мыслю своего благополучия без тебя. И поверь, не ради славы я остался здесь, а ради интересной НАШЕЙ жизни. Мне кажется, я что-то смогу сделать хорошего и полезного для людей — но я сделаю это во имя нас. Дай бог, чтобы ты не увидела во мне краснобаю и фразера. Что же касается твоих опасений насчет актрис — успокойся».

Думаю, он верил, что так и будет. Но в Москве у него началась совсем другая, непредсказуемая жизнь. Места в ней Марии Шумской, увы, не нашлось.

